

Стефанович Константин Спиридонович

**Наболевшее сердце:
Сборник**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Спиридонович С.**
Наболевшее сердце: Сборник / Стефанович Константин Спиридонович – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 54 с.

ISBN 978-5-519-75471-2

Содержание: Идеалист и канцелярист; Запуганный идеалист; К интелли-
генции; Мудрость не от мира сего

ISBN 978-5-519-75471-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Идеалистъ и канцеляристъ.

— Здравствуй, Ванька! Что подѣливаешь, канцелярская крыса?..

— Откуда ты, Капикъ, взялся? Здравствуй, здравствуй, мой блаженный дружокъ!

Друзья обнялись, поцѣловались и повели пріятельскую бесѣду.

Такъ встрѣтились закадычные товарищи и друзья, — священникъ о. Капикъ Идейкинь и губернский секретарь Иванъ Павловичъ Писакинъ. Они въ теченіе шести лѣтъ вмѣстѣ терли семинарскую скамейку, возрастая въ премудрости, разумѣ и страхѣ Божіемъ. Но благодать Божія неодинаково воздѣйствовала на нихъ. Семинарское ученіе вызывало въ Идейкинь броженіе ума, сердца и воли. Идейкинь все, что ни училъ, близко принималъ къ сердцу, волновался, сомнѣвался, доказывалъ, опровергалъ. Когда Идейкинь, проходилъ „начатки“ философіи, или „фіи“, какъ говорятъ семинаристы, — онъ дѣлался поклонникомъ то Платона, то Аристотеля, то Спинозы, то Лейбница, то Канта, то Шеллинга, то Гегеля, то Спенсера и др. Тогда въ семинаріи не преподавали „фіи“ Ницше, а то, навѣрно, Идейкинь отдалъ бы долгъ признательности и таланту этого философа. Въ богословскихъ клас-

сахъ Идейкинъ увлекался разными системами христіанскихъ вѣроученій. Одинъ день онъ стоялъ за римскаго папу, на другой день онъ переходилъ на сторону лютеранъ, потомъ ему нравились разныя секты, существующія въ Россіи и за границей. Но всѣ эти временныя увлеченія юности кончились тѣмъ, что Идейкинъ остался вѣрнымъ православію, сохранивъ при этомъ чистую любовь ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ христіанскимъ, которымъ умѣлъ воздать должное. Онъ собралъ въ своемъ умѣ и сердцѣ всю мудрость древнихъ и новыхъ философовъ и богослововъ, сдѣлался убѣжденнымъ народникомъ и пошелъ служить народу, на гроши котораго, платимые за церковныя свѣчи, воспитался. Идейкинъ былъ сирота и поэтому въ училищѣ и въ семинаріи учился на казенныя и церковныя деньги. Архіерей, въ то время знаменитый проповѣдникъ, при окончаніи Идейкинымъ курса семинаріи, сказалъ всему его классу: „Помните, что вы воспитывались на деньги нашего бѣднаго народа, которыя онъ усердно жертвуетъ на храмъ; поэтому вы должны служить этому народу: долгъ платежемъ красенъ“. Эти слова высокообразованнаго архіерея произвели сильное впечатлѣніе на Идейкина, и онъ рѣшилъ посвятить себя на служеніе народу.

И вотъ, уже десять лѣтъ онъ вѣрой и правдой служить народу. Наградъ за это время онъ никакихъ не получилъ отъ своего начальства по той простой причинѣ, что не привозитъ благочинному индѣекъ, гусей и поросятъ, когда бываетъ у него съ годовыми отчетами; зато онъ пріобрѣлъ неоцѣнимую награду у своихъ прихожанъ, которые любятъ своего Капика, какъ родного.

По иному пути шелъ въ семинаріи Иванъ Павловичъ Писакинъ, по иной дорогѣ онъ идетъ и въ жизни. У Писа-

кина былъ ровный и спокойный характеръ. Онъ съ одинаковымъ усердіемъ обѣдалъ и занимался наукой. Къ философіи онъ относился съ пренебреженіемъ, называя ее выдумкой разныхъ мечтателей; о православіи онъ не смѣлъ подумать ничего дурного и потому только, что больше боялся начальства, чѣмъ Бога. Писакинъ каждый день усердно писалъ записки по основному, догматическому, нравственному, обличительному и пастырскому богословіямъ, выучивалъ то, что писалъ, получалъ пятерки за отвѣты и былъ доволенъ сознаніемъ исполненнаго долга. Въ праздники Писакинъ надѣвалъ глаженую рубаху (чего Идейкины не имѣлъ, а бралъ въ нужныхъ случаяхъ у друга) и отправлялся въ гости, гдѣ весело проводилъ время въ кругу барышенъ, играя съ ними „въ кошку и мышку“, отплясывая польку, кадрили и т. п. Въ то время были модными споры о штундистахъ. Писакинъ горячо доказывалъ барышнямъ неправоту этихъ сектантовъ и для убѣдительности приводилъ длинный рядъ текстовъ изъ Свящ. Писанія. Барышни восхищались ученостью своего кавалера, но оставались при своемъ мнѣніи, такъ какъ не могли постигнуть глубины полемическихъ доводовъ Писакина. Писакинъ же бывалъ очень доволенъ послѣ споровъ о вѣрѣ: онъ думалъ про себя—„препрѣхомъ, побѣдихомъ“. Но если бы онъ обращалъ вниманіе въ этихъ случаяхъ на выраженіе лицъ своихъ барышенъ, то онъ могъ бы замѣчать на нихъ улыбку сожалѣнія. Писакину не было дѣла до того, что выражали фізіономіи барышенъ. Онъ услаждался мыслью, что, съ одной стороны, побѣдилъ еретиковъ и, съ другой стороны, на завтра урокъ повторилъ, такъ что можно надѣяться на пятерку.

Писакинъ, какъ и его другъ Идейкины, окончилъ курсъ

студентомъ семинаріи и поступилъ на службу въ одну изъ канцелярій народнаго просвѣщенія. Служба его пошла очень удачно. Онъ сталъ быстро подыматься по лѣстницѣ ранговъ. Начавъ съ китайскаго императора... то бишь, коллежскаго регистратора, онъ быстро добрался до губернскаго секретаря. Правда, уже въ этомъ чинѣ онъ имѣлъ видъ вопросительнаго знака, но это не мѣшало ему благодушествовать, потому что начальство любило его и не обходило передъ праздниками наградными.

— Что, Ванька, плохія времена настали для вашего брата?— сказалъ Идейкинъ, осмотрѣвши бѣгло квартиру товарища и усѣвшись на одномъ изъ стульевъ.

— Почему плохія? Напротивъ, наши канцелярскія дѣла стали идти лучше. Въ этомъ году у насъ прибавили одинъ столъ... меня назначили столоначальникомъ. Дѣла у меня теперь меньше, а номеровъ исходящихъ бумагъ по канцеляріи больше...

— Неужели ты не читаешь газетъ, въ которыхъ все доказываютъ, что необходимо сократить въ Россіи дѣйствія бюрократіи, основанной на вѣрѣ въ трехъ китовъ, т.-е. три бумажки—предложеніе, отношеніе и донесеніе. Вѣдь, газеты подрываютъ совершенно вашъ канцелярскій авторитетъ...

— Ну, Капикъ, это только ты, блаженный идеалистъ, можешь вѣровать въ то, что авторитетъ бюрократіи и канцеляріи находится въ опасномъ положеніи. На Руси теперь есть веселіе писать, а мы безъ канцеляріи не можемъ быть. Вѣдь если бы у насъ канцелярія перестала писать, то всякая дѣятельность чиновниковъ прекратилась бы. Учитель пересталъ бы ходить на уроки, судья пересталъ-бы посѣщать судебныя засѣданія, полицейскіе не появлялись бы на улицахъ

и не стояли-бы на перекресткахъ, однимъ словомъ, произошло-бы столпотвореніе вавилонское...

— Какъ вижу, Ванька, ты убѣжденный канцеляристъ. Но твои убѣжденія сложились въ бумажномъ царствѣ канцеляріи его превосходительства и такъ же безжизненны, какъ безжизненны всѣ ваши бумаги и ваши канцелярскія фізіономіи, на которыхъ не появляется даже краска стыда, когда вы говорите о своемъ всемогуществѣ. Слушая тебя, иной можетъ подумать, что безъ Бога еще, пожалуй, проживешь, а безъ канцеляріи никакъ... смерть тебѣ... столпотвореніе... расѣяніе и прочее. Забылъ ты, Ванька, то, что училъ въ семинаріи и даже усердно записывалъ. Вспомни, что говорили намъ умные преподаватели... Говорили они, что людей должна соединять воедино любовь, единомысліе, единодушіе, а не бумага, приказъ, властолюбіе однихъ и рабское подчиненіе другихъ. На вопросъ, чѣмъ люди живы, нужно давать отвѣтъ не канцелярскій, а религіозно-философскій. Ты въ семинаріи не любилъ рѣшать вопросовъ жизни съ религіозно-философской точки зрѣнія и теперь желаешь построить и свою личную и всероссійскую жизнь на канцелярскомъ механизмѣ... Совѣтую тебѣ измѣнить свои воззрѣнія, иначе можешь остаться съ ними одинокимъ. Посмотри, какъ теперь все волнуется вокругъ насъ. Видно, нива пожелтѣла и готова для жатвы со стороны людей сильнаго, благороднаго ума, чистой, благонамѣренной воли... Мнѣ кажется, что для вашей бюрократіи и усиленной канцеляріи наступаетъ „кончина живота“. Дай Богъ, чтобы она была тихой, мирной, безмятежной. Бросай ты, братъ, писаніе разныхъ бумагъ на имя директоровъ и учителей, а лучше иди въ учителя или въ попы. Тамъ ты больше сдѣлаешь, чѣмъ здѣсь, въ душ-

ной канцеляріи, гдѣ мысль и воля скованы разными циркулярами. Да и тебѣ лично будетъ лучше. Что, гемороя еще не нажилъ?

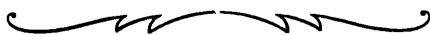
— Какой тамъ не нажилъ!.. Уже разъ вырѣзывали мнѣ шишки въ евангелической больницѣ...

— Вотъ, видишь!.. Спѣши исполнить мой совѣтъ, чтобы не пришлось еще выправлять тебѣ позвоночный хребетъ, который начинаетъ приобрѣтать у тебя дугообразную форму...

— Это тебѣ такъ кажется. У меня еще въ семинаріи былъ такой видъ спины... Однако, ты, Капикъ, разошелся и хочешь разрушить основы моей жизни... Нѣтъ, не трудись. Я такъ уже привыкъ къ своей службѣ, такъ втянулся въ нее, что, кажется, для другого дѣла не гожусь...

— Перестань малодушничать. Нужно имѣть больше вѣры въ свои силы. У тебя найдется достаточно умѣнья и энергіи, чтобы быть хорошимъ учителемъ или священникомъ.

— Ну, бросимъ лучше этотъ разговоръ,—сказалъ раздраженно Писакинъ и пригласилъ товарища завтракать.

Запуганный идеалистъ.

Въ широкой новороссійской степи по проселочной дорогѣ катилъ въ с. Глушнякъ земскій участковый врачъ Антонъ Павловичъ Бромовъ, рослый, краснощекій сѣверянинъ изъ духовнаго званія, недавно назначенный на занимаемую должность.

Іюльское солнце жгло нестерпимо. Изъ-подъ колесъ брички поднимались цѣлыя облака пыли, которая не давали возможности свободно дышать степнымъ сухимъ воздухомъ. Бромовъ закутался въ дорожный парусиновый плащъ и сердился на разслабляющую тѣло жару и надоѣдливую пыль, которая безцеремонно лѣзла въ ноздри и глаза. Ему хотѣлось поскорѣе добраться до Глушняка. Онъ ѣхалъ въ Глушнякъ, самый отдаленный пунктъ своего участка, первый разъ и ни съ кѣмъ изъ глушнякской интеллигенціи не былъ еще знакомъ. Жить на квартирѣ, отводимой во всякомъ селѣ для пріѣзжающихъ по разнымъ дѣламъ чиновниковъ, Бромову не нравилось. Бромовъ обыкновенно останавливался у кого-нибудь изъ сельскихъ интеллигентовъ. Чаше всего онъ заѣзжалъ къ священникамъ, которые принимали его весьма радушно. Одни радовались тому, что имѣли возможность бесѣдовать съ образованнымъ человѣкомъ, другіе же пользовались случаемъ поиграть въ карты.

Подѣхали къ селу, которое раскинулось по долину незначительной рѣчки. Съ горы оно все виднѣлось, какъ на ладони. Бѣлыя хаты съ камышовыми крышами тянулись длинной лентой вдоль рѣчки въ четыре ряда. Изъ всѣхъ построекъ выдѣлялись своими зелеными желѣзными крышами—храмъ, около него домъ священника, далѣе зданія школы, волостного правленія и казенной винной лавки.

Кучеръ Данило, курносый парень веселаго нрава, съ широкимъ чернымъ лицомъ, низкаго роста, обратился къ Бромову съ вопросомъ:

— А куда прикажете, баринъ, ѣхать?

Бромовъ, долго не думая, отвѣтилъ:

— Да поѣзжай къ батюшкѣ. Знаешь, гдѣ онъ живетъ?

— Точно такъ, знаю, ваше благородіе! — съ радостной ноткой въ голосъ почти прокричалъ Данило, предвкушавшій сладости пребыванія во дворѣ глушнякскаго батюшки. Онъ уже не разъ заѣзжалъ къ батюшкѣ съ приставомъ, земскимъ начальникомъ, прежнимъ врачомъ и никогда не уѣзжалъ отъ него обиженнымъ. У батюшки кормили его пшеничнымъ хлѣбомъ, саломъ, жирнымъ борщомъ, а что пріятнѣ всего было ему, — водкой потчевали.

Лошади быстро подкатили Бромову къ крыльцу глушнякскаго батюшки, который въ это время былъ занятъ во дворѣ кормленіемъ куръ, утокъ и гусей. Узрѣвъ гостя, батюшка, отецъ Ѳома Агаповъ, оставилъ свое идилическое развлеченіе и поспѣшилъ навстрѣчу Бромову. Бромовъ увидѣлъ предъ собою благообразнаго священника средняго роста, съ круглой, небольшой бородой и черными волосами, между которыми виднѣлось не мало сѣдыхъ, съ умнымъ загорѣлымъ лицомъ, въ ситцевомъ кафтанѣ и соломенной шляпѣ.

— Честь имѣю представиться... Мѣстный земскій врачъ Антонъ Павловичъ Бромовъ. Извините, что я осмѣлился заѣхать къ вамъ безъ спроса.

— Очень радъ, очень радъ, что вы заѣхали ко мнѣ, вдовцу и одинокому человѣку. Живя въ степной глуши, имѣя возможность рѣдко видаться съ образованными людьми, я бываю радъ и благодаренъ, когда меня посѣщаетъ кто-либо, съ кѣмъ я могъ бы подѣлиться мыслями по разнымъ животрепещущимъ вопросамъ... Видите, чѣмъ я сейчасъ занимался,—сказалъ батюшка, указывая рукой на гусей, утокъ и куръ.

— Приходится съ безсловесной птицей коротать дни, когда не видишь образованнаго человѣка, съ которымъ могъ бы поговорить по душѣ... Но что это я держу васъ на дворѣ!—спохватился батюшка.—Пожалуйте въ мою келью! Милости просимъ!

Батюшка съ докторомъ вошелъ въ домъ. Въ комнатахъ были прикрыты ставни, и царилъ полумракъ. Батюшка пригласилъ его въ гостиную и самъ сталъ открывать въ ней ставни. Бромову бросилась въ глаза прежде всего большая икона въ углу, которая изображала молящагося въ Геосиманскомъ саду Спасителя; на столикѣ предъ иконою лежало большое евангеліе съ изображеніемъ золоченаго креста на переплетѣ, и еще другая какая-то книга; у одной стѣны находились столъ съ диваномъ и двумя креслами, а на столѣ лежали въ безпорядкѣ нѣсколько номеровъ газеты и послѣдняя книжка журнала „Вѣстникъ Европы“; у другой стѣны стояла фисгармонія съ раскрытыми нотами на молитвѣ: „Не имамы инныя помощи“.

— Прошу садиться,—сказалъ батюшка доктору, продол-

жая открывать ставни.—Жара и мухи заставляют держать комнаты въ полумракѣ... Съ дороги не мѣшаетъ вамъ, докторъ, подкрѣпить свои силы. Сейчасъ распоряжусь!..

Батюшка вышелъ. Бромовъ сталъ внимательнѣе разсматривать убранство гостиной.

На стѣнѣ висѣлъ портретъ молодой, красивой женщины въ траурной рамѣ.

Бромовъ догадался, что эта женщина—умершая жена батюшки. Ему стало жаль вдовца, потерявшего молодую жену. Гостиная показалась доктору пріютомъ одиночества и тоски. Могильная ноющая тишина во всемъ домѣ вызвала на грустные размышленія о потерѣ земного счастья, о страданіяхъ тоскующаго вдовца и о смерти, какъ лучшемъ удѣлѣ для прекращенія земныхъ горестей.

— Прошу васъ, докторъ, э-э-э... забылъ ваше имя, отчество...

— Антонъ Павловичъ.

— Антонъ Павловичъ, прошу въ столовую подкрѣпиться.

Прошли въ столовую. Тамъ столъ былъ уставленъ разными яствами и питіями. Бромовъ, проголодавшійся въ дороге, усердно занялся истребленіемъ того, что находилось предъ его глазами. Батюшка упрашивалъ гостя кушать и подливалъ то водки, то одной, то другой наливки.

— Пора и къ дѣлу приступить, для котораго я пріѣхалъ,—сказалъ Бромовъ, плотно поѣвши и поблагодаривши хозяина.

— Можно,—замѣтилъ батюшка,—во-дворѣ уже много народа ожидаетъ васъ.

Докторъ вышелъ во дворъ, сталъ на открытомъ воздухѣ принимать больныхъ и давать имъ совѣты. По окончаніи пріема онъ хотѣлъ сейчасъ же отправиться въ обратный